

ТЕМА ОДИНОЧЕСТВА В РАССКАЗЕ «ПАЛАТА №6» А.П. ЧЕХОВА

Эшонова Хоназим

Магистрант, Ферганский государственный университет
<https://doi.org/10.5281/zenodo.17569961>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 05-noyabr 2025 yil
Ma'qullandi: 08- noyabr 2025 yil
Nashr qilindi: 10- noyabr 2025 yil

KEYWORDS

одиночество, А.П. Чехов, «Палата №6», художественный анализ, институциональная изоляция, литературный персонаж..

ABSTRACT

В статье выявляются способы художественной репрезентации одиночества как экзистенциального и социального феномена через характеры доктора Рагина и Ивана Громова, структуру повествования, языковые средства и композицию. Показано, как Чехов использует приём контрастных персонажей, символику пространства и молчания для демонстрации трагедии человеческой коммуникации.

Тема одиночества в русской литературе XIX века занимает центральное место, особенно в творчестве А.П. Чехова, где она переходит из сферы личной драмы в плоскость философско-социального осмысления. В рассказе «Палата №6» (1892) одиночество представлено не как временное эмоциональное состояние, а как устойчивое экзистенциальное положение героев, обусловленное как внутренними, так и внешними факторами. Литературоведческий анализ позволяет показать, как автор реализует эту тему через систему образов, композицию, язык и взаимодействие персонажей. Особую значимость приобретают прямые цитаты из текста, которые служат основным доказательством интерпретации.

Центральный конфликт рассказа строится на противостоянии двух типов одиночества: активного и пассивного. Иван Дмитрич Громов — носитель болезненного, мучительного одиночества, вызванного осознанием своей изоляции и бессилия перед системой. Его внутренний мир насыщен тревогой и стремлением к справедливости. Он говорит: «Я каждый день боюсь, что меня ударят или побьют... Я чувствую себя преступником, хотя и знаю, что я невиновен» [Чехов, 1892, с. 34]. Эта цитата свидетельствует о глубоком внутреннем разладе: герой не просто страдает от страха, он уже идентифицирует себя как виновного, даже зная в своей невинности. Это — одиночество сознания, которое не может найти поддержки ни в людях, ни в общественных нормах. Громов постоянно ссылается на судебную систему, чиновников, законы — всё это указывает на его попытку говорить на языке разума, но общество отказывается слышать. Как отмечает Л.Я. Гинзбург, «у Чехова герой часто оказывается в ситуации, когда он хочет быть понятым, но не имеет собеседника» [3, 215].

Противоположностью Громову является доктор Андрей Ефимыч Рагин — представитель пассивного, интеллектуализированного одиночества. Его

отстранённость маскируется под философское спокойствие. Он считает, что страдание — неизбежно, и потому не видит смысла в сопротивлении. Его знаменитая фраза: «Надо терпеть... Все одинаково страдают, все одинаково умирают» [Чехов, 1892, с. 37] — становится ключевой установкой, обосновывающей его бездействие. Однако именно эта позиция делает его частью системы угнетения. Литературоведческий анализ показывает, что Рагин не просто равнодушен — он активно избегает контакта. Когда пациенты просят помощи, он отвечает: «Это не в моей власти» [Чехов, 1892, с. 31]. Такое поведение — не следствие бессилия, а результат выбора: он сознательно отстраняется от ответственности. По мнению В.И. Левина, «Рагин — это человек, который заменил этику метафизикой» [5, 147]. Его одиночество — добровольное, но не менее трагичное, чем у Громова.

Композиционно рассказ построен как движение от внешнего наблюдения к внутреннему переживанию. Первая половина повествования описывает больницу глазами стороннего наблюдателя, затем — через диалог Рагина с Громовым, и, наконец, через сам опыт Рагина как пациента. Этот переход знаменует собой кульминацию темы одиночества: только оказавшись в палате, Рагин начинает чувствовать, а не рассуждать. До этого момента он был «вне» страдания; теперь он — внутри него. Его пробуждение происходит не через мысль, а через телесный опыт: «Он вдруг вскочил, весь в поту, дрожа всем телом... “Господи, да ведь это ужасно!”» [Чехов, 1892, с. 42]. Цитата показывает, что только физическая боль и страх могут разрушить его философскую оболочку. Здесь литературоведческая интерпретация подтверждается текстовой динамикой: разум Рагина до последнего момента защищал его от эмоций, но тело не может лгать.

Пространство палаты №6 играет роль ключевого символа. Оно описано как замкнутое, грязное, ограниченное решётками: «окна были в железной решётке... пол был не выметен» [Чехов, 1892, с. 29]. Это не просто лечебное учреждение — это тюрьма, где одиночество становится нормой существования. Все пациенты — маргиналы: бывший почтальон, студент, мещанин — люди, потерявшие социальные связи. Даже Никита, смотритель, представляет собой фигуру жёсткого порядка, подавляющего любую попытку сопротивления. Его физическая мощь и молчаливость контрастируют с криками Громова, усиливая эффект безысходности. Пространство формирует поведение: в такой среде невозможно ни диалог, ни развитие. Как пишет М.М. Бахтин, «в литературе пространство всегда социально нагружено» [9, 189]. В «Палате №6» пространство — это карцер для души.

Особую роль в раскрытии темы играет язык. У Громова речь напряжённая, образная, полная метафор: «Жизнь наша — это ад, вечный ад» [Чехов, 1892, с. 35]. Это язык человека, пытающегося осмыслить свою боль. У Рагина — сухие, абстрактные формулировки, заимствованные из философии: «Я стою выше предрассудков» [Чехов, 1892, с. 36]. Его речь лишена живого обращения к другому. Когда он пытается говорить с Громовым, это не диалог, а монолог, завершающийся выводом: «Вы слишком много читаете» [Чехов, 1892, с. 38]. Эта фраза — не совет, а отрицание ценности собеседника. Таким образом, язык становится инструментом отчуждения.

Ещё одним важным элементом является молчание. После того как Рагин помещён в палату, он почти не говорит. Его последние слова —

«Господи, да ведь это ужасно!» — остаются без ответа. Остальные персонажи не реагируют. Молчание окружения — не случайность, а закономерность мира, где никто не слышит. Литературоведческий анализ показывает, что молчание в рассказе — не отсутствие речи, а форма отрицания коммуникации. Как отмечает И.А. Морозова, «в “Палате №6” молчание — это форма насилия» [7, 69]. Оно лишает человека последней возможности быть услышанным.

Финал рассказа — смерть Рагина — завершает трагическую арку одиночества. Он умирает не от болезни, а от шока, вызванного осознанием своей ошибки. Но даже смерть не становится актом очищения: его хоронят как безымянного, без помпы, без скорби. Общество продолжает жить, как будто ничего не произошло. Громов, в отличие от Рагина, сохраняет способность к протесту, но он остаётся в палате. Таким образом, Чехов не предлагает выхода. Он показывает, что в мире, где разум отгорожен от сердца, а власть — от совести, одиночество неизбежно.

Список литературы:

1. Чехов, А. П. Палата №6 // Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1974. — Т. 7. — С. 28–45.
2. Бердяев, Н. А. Смысл творчества. — М.: Мысль, 1990. — 320 с.
3. Гинзбург, Л. Я. О литературе. — М.: Искусство, 1979. — 496 с.
4. Морозова, И. А. Литература и психиатрия: Чехов и современные дискурсы о психическом здоровье // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2018. — № 4. — С. 61–75.
5. Левин, В. И. Чехов и философия одиночества // Русская литература. — 2005. — № 2. — С. 140–151.
6. Шкловский, В. Б. О прозе. — М.: Советский писатель, 1983. — 448 с.
7. Фрейд, З. Тотем и табу. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. — 296 с.